

Ю. Давыдов, М.В. Розин // Мир психологии и психология в мире. - М., 1994. - № 0. - С. 102-107. Возможно, один из авторов данной концепции В.М. Розин; оригинал реферированной статьи оказался, к сожалению, мне недоступен.

14 Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. Под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитоновой. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. - С. 52.

15 Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры / Пер. с исп. Н.Д. Арутюновой // Теория метафоры. - С. 74.

16 См.: Якубинский Л.П. О звуках стихотворного языка // Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование. - М.: Наука, 1986. - С. 163.

17 Тодоров Ц. Теории символа / Пер. с франц. Б. Нарумова. - М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общ-во, 1998. - С. 188.

18 Эйхенбаум Б.М. Анна Ахматова. Опыт анализа // Эйхенбаум Б.М. О поэзии. - Л.: Советский писатель, 1969. - С. 133.

19 Там же.

20 Якобсон Р.О. Заметки о прозе поэта Пастернака. - С. 331.

21 Успенский Б.А. Анатомия метафоры у Мандельштама // Успенский Б.А. Избранные труды, том II. Язык и культура. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. - С. 307.

22 Там же. - С. 331-332.

23 См.: Мандельштам О. Утро акмеизма // Литературные манифесты от символизма до наших дней. - М.: XXI-век – Согласие, 2000. - С. 130-135.

24 Лосев А.Ф. Расцвет и падение номинализма. Мыслительно-нейтралистская диалектика XIV века // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. - М.: Политиздат, 1991. - С. 380.

25 См.: Мандельштам О. Указ. соч. - С. 132.

26 Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г.Г. Сочинения. - М.: Правда, 1989. - С. 371.

ДИСКУРС ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ДИСКУРС ИДЕНТИЧНОСТИ

О.Г. Дука
(г. Омск)

Олег Геннадьевич Дука
доктор исторических наук,
зав. кафедрой истории и политологии
Омского юридического института

Всё разнообразие интерпретаций понятия «история» в принципе можно свести и сводится к двум точкам зрения. С одной из них история рассматривается как совокупность или хранилище объективных фактов о прошлом (то, что произошло). С другой же точки зрения история рассматривается как реконструкция, воспроизведение того, что произошло – особый дискурс.

В чём сходство и отличие этих подходов? Сходство состоит в том, что и реальная история, и история-дискурс есть по существу тексты. Разница же состоит в том, что, с одной стороны, реальная история является источником для истории-дискурса, а с другой – история-дискурс является формой

репрезентации реальной истории. И если история как таковая представляет собой форму реализовавшейся действительности, которая воспринимается нами как необходимо, безальтернативно существующая, то история как дискурс воспринимается нами как принципиально возможная, многовариантная форма реализовавшейся действительности.

История как таковая представляет собой бесконечный во времени и неисчерпаемый по содержанию поток переходящих одно в другое событий. Отграничение одного события от другого, установление их «включённости» одного в другое устанавливается в ходе их научного исследования историками на основе определённых теоретических установок. Другими словами, растворённые в едином континуальном потоке исторического процесса события превращаются в единичные смысловые дискретности – научные эмпирические факты истории под влиянием теории, которой придерживается тот или иной историк. Каждая теория «видит» (а по существу – формирует) свои факты. Каждый исторический факт теоретически нагружен. Собственно, событие и фактом-то становится в свете определённой теории, определённого дискурса.

Элементами дискурса истории являются: 1) излагаемые события, их участники и 2) контекст, т.е. а) обстоятельства, сопровождающие события, б) фон, поясняющий события, в) оценка участников событий, г) информация, соотносящая дискурс с событиями.¹ Специфическими чертами исторического дискурса являются хронологическое последовательное изложение событий, сюжетизация и драматизация изложения.

Исторический дискурс предполагает строгий подбор фактов, их логическое упорядочение в связанное целое и придание всему вполне определённого смысла. Именно осмысленность текста, т.е. упорядочение фактического материала как «развёртывание» смысла является наиболее характерной чертой исторического дискурса. Смысл же – это субъективная ценностная значимость, определяемая *габитусом*² историка. Поэтому исторический дискурс как способ получения истинного научного знания не только не исключает, но и предполагает дискурс как стиль или индивидуальный язык историка.

Из четырех типов научного дискурса в гуманитарном знании – ценностного, нарративного, социального теории объяснения и интерпретации (Д. Холл) – для истории наиболее характерен нарратив – сочинение на некую научную тему. Основополагающими структурами исторического нарратива выступают описание и повествование, являющееся по существу способом объяснения прошлых событий. Можно спорить по поводу того, что в нарративе является приоритетным – описание или повествование, является ли описание (мимесис) изображением реальности или, по Рикёру, способом её практического переустройства. Но бесспорно одно – исторический нарратив является не только повествовательным текстом, но и способом практического познания мира.

С одной стороны, историческое сочинение – литературный текст. И как литературному тексту ему присущи сюжетная «выстроенность», драматизация. И этот сюжет порой может увлечь читателя также, как сюжет исторического романа или повести. Лучшие исторические сочинения образны, литературны в подлинном смысле. Вспомним, например, монографию Е.В. Тарле «Наполеон», которая читается как увлекательный исторический роман.

С другой стороны, историческое сочинение – научный текст: историк не имеет права на использование недостоверных фактов, тем более – на откровенный вымысел. Кроме того, как научный текст, историческое сочинение должно отличать систематизированность, логическая непротиворечивость, убедительность аргументации, обоснованность выводов.

Другими словами, исторический нарратив должен выполнять и изобразительную и объяснительную функции одновременно. Найти оптимальное соотношение этих двух начал нарратива – большая удача для историка. Конечно, можно попытаться придать историческому сочинению чисто научный характер, отбросив как излишнюю всякую «лирику». И такие попытки будут иметь место всегда. Но даже в этом случае язык сочинения сохранит известную метафоричность, ибо на всех уровнях исторического познания процесс мифологизации неизбежен, ибо «миф – это явление, сильно упрощающее и интегрирующее, стремящееся свести многообразие

и комплексность феноменов к предпочитаемой оси интерпретации. Он применяет к истории принцип порядка, соответствующего потребностям и идеалам конкретного общества».³ А где миф – там метафора. Профессионалы истории, субъективно сопротивляясь одной мифологии, объективно становятся производителями новой мифологии.

Объективной истории не только не существует, но и не может существовать. Реальная история в смысловом отношении заполнена, выражаясь терминологией В.В. Налимова, нераспечатанными смыслами и представляет собой семантический вакуум. Осмысленность истории придаёт дискурс. Именно дискурс придаёт истории обаяние и вызывает к ней интерес. События начинают оживать под пером историка.

С другой стороны, нет и чисто субъективной истории: историк пишет свои труды в определённой социокультурной среде, в определённой исторической ситуации; он живой человек, и на него оказывают влияние и полученное образование, и научная школа, и идеология, и средства массовой информации...

Фактически историческая реальность носит субъектно-объектный характер: то, что историк называет исторической реальностью, есть его представление о ней, которое он принимает за действительность. Его же представление об истории обусловлено *габитусом*.

Историческая реальность, выступая как коррелят сознания, не может быть задана через понятие «данность», т.к. её восприятие всегда с необходимостью неадекватно. Доступная для познания только через призму её возможных репрезентаций, историческая реальность задаётся из их различия между собой, через понятие «различие» как таковое.

Следовательно, дискурс исторической науки не согласуется с дискурсом идентичности, понимаемым как дискурс, предусматривающий возможность повторных наблюдений и научно-опытного подтверждения результатов. Не согласуется он и с дискурсом тождественности, понимаемым как дискурс, допускающий восприятие объектов и явлений тождественными во множестве восприятий.

Возникает вопрос: раз исторические знания формируются только в субъект-объектном взаимодействии историка (наблюдателя) и реальной истории (объекта), являются ли они истинными? Современная наука отказывается от идеала объективной истины. Почему? Истина – это то, что соответствует действительности, т.е. подтверждается достоверными фактами. Факты же формируются в свете определённой теории, которой придерживается историк. Теория же формулирует цели исследования, а значит – и предвещает его выводы, ибо цель – это предвосхищаемый результат. Понятно, что исторические знания, выработанные на основе определённой теории,

будут подтверждаться фактами, сформированными той же теорией, будут считаться истинными. В свете же иных теоретических представлений истинность данных знаний вполне может быть подвергнута сомнению.

Поэтому сегодня на смену идеалу объективной истины пришёл другой идеал – прагматический: истинными считаются те знания, которые позволяют эффективно решать реальную познавательную или практическую проблему. Что же касается реальности, то, согласно современным представлениям, выработанным, в частности, в физике и психологии, она лежит за пределами наблюдаемого и поэтому скорее выводится, чем наблюдается.⁴ На наш взгляд, это положение вполне может быть применено и в историческом познании, ибо историческая реальность – это именно «выводимая», а не наблюдаемая реальность.

Таким образом, признание субъектно-объектного характера исторической реальности означает пересмотр дискурса «истины» и снятие оппозиции «истинное – ложное» через перевод рассмотрения отношений репрезентаций друг к другу. Репрезентации не могут «схватить» истину, но могут быть более или менее адекватными. Является репрезентация адекватной или нет – зависит от того, расходится ли она с другими репрезентациями или согласуется с ними.⁵

Отсюда возникает новая тематика и новая морфология исторического познания, связанная с исследованием языка, жизненного мира, конструирования исторической реальности (историческая нарратология, историческая семиотика Ю.М. Лотмана, методология школы «Анналов», историческая антропология А.Я. Гуревича, психоистория Л. Демоза, Э. Хайгена и др., новая интеллектуальная история Х.Уайта, Ф. Анкерсмита и др.).

Не согласующийся с дискурсом идентичности, дискурс исторической науки вполне согласуется с его антропологической версией – *дискурсом идентификации*.

В исторической науке может иметь место несколько видов идентификации. Во-первых, это идентификация, понимаемая в когнитивном смысле, как *исследовательская процедура* – процесс сопоставления, сличения одних исторических фактов с другими на основании какого-либо признака, свойства, в результате чего происходит установление их сходства или различия. Поскольку без такой идентификации невозможна ни систематизация, ни обобщение фактов, эта разновидность дискурса идентификации представлена в любом научном историческом произведении.

Во-вторых, это идентификация, понимаемая в *герменевтическом смысле* – как механизм постановки историка-исследователя на место автора изучаемого текста, что проявляется в виде перенесения историка в поле, пространство, обстоятельства автора текста, что приводит

к усвоению личностного смысла последнего. Такая разновидность дискурса идентификации, позволяющая историку моделировать смысловое поле автора, представлена прежде всего в источниковедческих, историографических, историко-культурологических исследованиях, а шире – во всех исследованиях, в которых ставится задача понимания изучаемого источника.

В-третьих, это идентификация, понимаемая в *социально-психологическом смысле* – как эмоционально-когнитивный процесс отождествления историком с определённой культурой, социальной группой. Эта разновидность дискурса идентификации проявляется в оценочных суждениях историка, в его отношении к изучаемым фактам с позиций разделяемой им системы ценностей.

Наличие нескольких разновидностей дискурса идентификации обусловлено тем обстоятельством, что историк при оценке результатов науки использует не только гносеологическую характеристику знаний (соответствие объекту, действительности), но и их аксиологическую характеристику (соответствие системе ценностей исследователя). Достижение соответствия знаний действительности обуславливает первую и вторую вышеназванные разновидности дискурса идентификации, а достижение соответствия знаний системе ценностей исследователя обуславливает третью его разновидность.

Таким образом, дискурс истории находится в органической взаимосвязи с дискурсом идентификации: в одном случае он включает в себя последний как компонент (идентификация в когнитивном и герменевтическом смыслах), а в другом – сам выступает его компонентом (идентификация в социально-психологическом смысле).

1 Демьяненко В.З. Словарь англо-русских терминов по прикладной лингвистике и автоматической обработке текста. М., 1982. – С.247.

2 Габитус – это инкорпорированный структурированный набор склонностей и предпочтений, складывающихся под влиянием постоянно воспроизводимых социальных условий и бессознательно приобретаемых нами в результате его взаимодействия с институтами социума (П. Бурдьё).

3 См.: Бойя Л. История и миф в румынском сознании. – Кишинёв, 2002.- С.4.

4 См.: Конашкова А.М. Онтологическая реальность: сущность потенциальности как границы естественной онтологии человека // Вероятностные идеи в науке и философии. Материалы региональной конференции (с участием иностранных учёных) 23-25 сентября 2003 г. – Новосибирск, Институт философии и права СО РАН, 2003. – с.27.

5 См.: Радионова С.А. Репрезентация // <http://infolio.asf.ru/Philos/Postmod/represent.html>. С.1.